

«ОТПУСК» ПАСТУХА ИЗ КАРГОПОЛЬСКОГО РАЙОНА АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

ПОДГОТОВКА К ПУБЛИКАЦИИ И.А. МОРОЗОВА

Текст этого пастушьего «отпуска» был передан нам Анной Степановной Усовой, проживающей ныне в г. Каргополе Архангельской обл.²³⁷ Этим «отпуском» пользовался муж Анны Степановны, вместе с которым она пасла скот.

«Отпуск» представляет из себя небольшую (в половину тетрадного листа), прошитую белыми нитками книжечку, вклеенную в комбинированный футляр-переплет из картона и плотной материи, застегивающийся на кнопку. Книжечка состоит из 32 листов, из которых 23 листа занимает текст «отпуска». На последнем листе, приклеенном к картонной обложке, изображен старообрядческий крест «с крышкой» (см. рис. 13). На внешнюю сторону обложки наклеена цветная литография с изображением Святого Блаженного князя Всеволода с мечом в руках (см. рис. 11). На литографии надпись: «Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. С.-Петербургъ, 21 декабря 1904 г. Цензоръ Иеромонахъ Александръ. Хромолит. Е. И. Фесенко, въ Одессѣ».

Рис. 11. Александра Сергеевна Усова с «отпуском» в руках (г. Каргополь, 1998 г.). Фото И.А. Морозова.

Об истории приобретения «отпуска» и способах обращения с ним рассказывает сама А.С. Усова. «Мы из Нюколы выехали в Ольховец и год прожили — у нас всё сгорело! Дотла! И вот пришлось и пасти пастухам.

Да я двадцать сезонов пасла <...> со стариком-то... Мы ничево не знали. Мы когда сгорѣли, дак стали жыть, так заставило горѣ всё знать. Мы перво-наперво с Ольховця выехали, и мы, ты бы знал, пасли на Логжаньге три года колхозное стадо. Ну, вот. Потом оттуда выехали, стали пасти вот эт-та город: город пасли частников, а там колхозное стадо... Когда вот жыли в городе — нас кормили [каждый день]... разная хозяйка. Я не бывала ни к кому. Хозяин ходил, и всё стопочку-то надо было выпить... Ак пить, дак выпѣт тожо стопочку, дак ничѣо. Значит, с устѣтку пришол, дак... <...>

Всѣ говорили «отпуск» вот у нас. Книжка божественна. Значит што? Ведь у ково какой. У меня, у нас был «отпуск божественный». Там тожо пас пастух, на Лозанге, как мы. Ну, дак вот, и мы купили его, тогда в тот ѳтдали пуд пшеницы [за этот «отпуск»]. Да-а. Пуд пшеницы ѳтдали... Так мы пасли, ты бы знала, в лесах, дак ведь, так не в полях ведь пасли-то. В лес выпустим утром — вот как с ним пасли — и до вечера ни ходили. Он што-нибудь делал в колхозе... [А «лесной отпуск» у чертовки берут]. Да. Это пасут в лесу, кожной год надь корову ѳтдать. Любую, какую ёму понравилце...

Да он [=муж], ты бы знал, — как сказать тебе? Ой. Было надо — на замок было закрыто: стадо-то закрыто на замок было. И ключики носил все с собой. Вот уш забыла чѣё. Было надо отпустить в воду-ту всё, штобы молока-то было больше надь... В любую воду, штобы вода век ни высыхала... [А если этот ключ найдет кто-нибудь], дак потом отпасѣм, дак. Ну, што лето отпасли да ушли, дак будущего года... [МИА: А замок куда девали?]. Вот всё забыла и всё. Вот тут чѣ чѣтайте там до конца, дак там сказано куда... Я ведь не пасу-то уш двадцѣть годов, дак...»

«Отпуск» читали, когда ходили вокруг стада перед началом сезона выпаса. Обычно это делал пастух. «Ага. На ком «отпуск». Он ведь этот «отпуск» — пропускали, дак он — всё потом! Стадо было закрыто на замок. Со свечкой ходил — экие свѣчки [от каждой хозяйки], которые запускали в стадо-то коров-то. Он уш «отпуск», книгу-то эту читал, кругом стада ходил со свѣчкой. Ну, вот эту свѣчку потом розломают — не догорит, дак была иконка маленька, дак он потом с иконой ходил, и свѣчки эти были все у него в кормане...»

²³⁷ А.С. Усова, 1918 г.р., род. из д. Воробьяха Поздышевского с/с Каргопольского р-на Архангельской обл., воспитывалась в д. Олсеево Полуборского с/с, прож. в г. Каргополь.

В своем рассказе Анна Сергеевна упоминает некоторые особенности обращения с «отпуском» и регламентации поведения пастуха, взявшего «отпуск», не упоминающиеся в самом тексте. «Ну, вот. Значит, «божественный отпуск» — было много заговоров. Много заговоров, надо было всё исполнять. Вот было: здороваще за руку нельзя ни с кем. Волосов стригчи было нельзя. Босиком ходить нельзя. Под замок ходить нельзя — замка не открывай... И девушки потом. И жона потом. Да. Пастух есть пастух... <...> Всё запрещено. Там всё, всё заговорено. Всё-о! Вот и главное: нельзя было нарушать! А вот, ты бы знала, на рожке не играл — он должен играть. Он! Он должен играть. Но всё равно — заговорённые коровы, всё взято, всё как положоно сделано — он не мог уже играть. Вот чёго-то принималсе, и не получалось. А всё равно коровы слушали. Как в которуу пору — идут все одна за одной. Как пошла, заумакала, заревела — значить всё!.. Уш я ведь не сидела всё у них там, у коров. А я, вот когда пасли, ты бы знала, с «отпуском» на Логзанье, в лесах — в лисах! Дак у меня «отпуск» вот «божественный» был, дак она где ни ходит до той поры, когда надо собираще — в пять часов — вот, ты бы знала, он и пойдёт, где коровы ходят, оне стадом выходят. Ежели её никто не шевелит, оне стадом выходят. Ну, уш как пришол туды — в стадо, дак завёрнул коров: «Ну-ко, давай домой!» И все, и пошли. Трубить не трубил, а сами оне. То одино было...

У нас вот, мы пасли вот этим-то «отпуском», а потом и не стали пасти, как вот я говорю, што как он всё позабыл-то тожо. Вот только и всёго «винное»-то, видишь, сколько — вот этого нельзя давать, сколько заговоров-то! Надо всё бы исполнять... Ну, вот. А хуже тово исполнял, ты бы знала, он то исполнял, што он был, там, видишь, и со жоной спать ведь нельзя. Эт то, што как он уже в возрасте был, а молодому мужику такое житьё бы то не понравиле. Ну, правда, там оговорка есть — дак читали, шо есть ли бы што — мыщце надь... Ну, вот, давай биз секрету. Ежели поспал со женой, сходи наперва вымойсе, а потом иди к стаду. И всё. Ну, вот. Так идти, поганому, нельзя. Видишь? Нельзя. Ну, вот. <...>

Но один раз, ты бы знала, што сотворил. Вот было не то под замок, в окна было зайти нельзя... И потом, ты бы знала, ни на чём «отпуск» вот как-то пришлось испортить. Вот только всево надо было закурить. Весь табак. Я и говорю: «Ни ходи домой! Дома дверь закрыта на замок... — я токо пришла. Я-то пришла, а он-то был у коров-то. — И ребята ушли. А тебе...» — йому нильзя было открывать замка-то. Ну, вот. Он пришол, дак пришол, а робят-то нету, замок закрыт, он што сделал? Окно вот — как вон вот на кухне — открыл окно и достал пачку сигарет. Ну, махорки. И всё, столько всёго вины было. Приходит, а я и говорю: «Ну, как? В избу-то как зашол?» — «А я в окошко залез!» Я говорю: «Ну, всё! Ты всё испортил! Ты видишь, этот, у тебя всё закрыто, ты зашол под замок. Ты с ума сошол?» Ну, што? Коров пригонили, коровы пришли. Назавтра только выпустили коров — я выходила как петь поросят (?) ни кормили никто, ведь и семья, робят двоё. Ну, вот. А он осталсе с коровами. Осталсе с ко-

ровами и ни ч^ерез довго приходит и говорит: «У нас ведь несчастье!» Я говорю: «Чого сотворилось?» — «Волк, — говорит, — нётель свалил на дороге!» Я говорю: «Я тебе говорила?! Дак ты не слушал, ты всё в свой нос!» Дак вот. Только вот нарушить. Это што написано, надо всё было исполнять. А не исполнять нельзя — лучше не брать. Ну, вот. Значит, што? Ну, што ш? Позвонила, приехали, телушку на телегу положили да увезли, да и всё. Ак потом ходили всё время не отходя от коров. Не отходя! Сзади ходили да и стали бы ходить на поля... [А восстановить «отпуск»] нельзя уже. Уш это дело — пол лета прошло... А вот с начала-то следующего-то года дпяь работали. Опять работали. А потом ума-то не стало: как у него тожо ставать, дак ведь и за руку было [женщину схватит]. Пастух есть пастух. Тут видите как: даже попа — и того оберегайсе. И попадью. Вот. Видите? Ну, вот... Ходили с коровами-то по ночам. Вдруг волк подполз в стадо. Волк. Где-ка вот за рекой-то посёлок вот. Посёлок вот не был, дак там гоняли, тудя. Я сижу у костра, вдруг подполз волк и телёнка — цап! — за это место [=показывает на затылок]. Ну, все коровы вскочили, на волка бросилисе всё стадо, прогонили. И старчю (?), я пришла тожо домой, да и говорю: «Значит, што? Што-то ты делал!» «Отпуск»-от на нём, ни на мне. Я-то как хозяйка, вить мне всё надо было делать. А он-то ничёво: «Ни знаю, ни знаю...» — «Дак вот скажи: пошто волк-от ко мне пришол? Ну уш хто-то ёго послал!» Вот. Два раза пришлось сесть (?)... Ни знаю, чёго он сделал. Слушай, што сделал? Ды просто захватил с глупости женщину за руку — и всё!.. Тожо скотнищодярки были, дак устал, как устарел-то, дак, ты бы знала. Ну. Ну, захватил женщину просто за руку или за плечё. Раз нельзя, значить нельзя!.. Дак тут видишь, — хто посылаэт волка? Ты видишь, што всё заговорено-то всё, шо никово нельзя... Там уш природа посылаэт, а тут уш всё Бог^а просишь — ты видишь? — всех, всех святых и всех, всех, всех просишь. Всех, всех просишь да ото всех страх^фуниссе. Вот. Всех заговаривашь... Вот. И с той поры больше не стац, не дала ёму пасти. Вообще не стали брать «отпуска». Надо вить соблюдать, а соблюдать не можошь, забыл — вот как я топерь бы, дак чёго сделаю? Всё забыла на свете, дак. Вот. А ёму тожо было восемисят пять годёв, дак... Я и тебе говорю: он што сделал? Он шо: «Ничёво ни делал!» Я говорю: «Дак скотнищю за руку захватил! Чёго?» Язык долгой был, дак захватил за плечо да и вот и всё! Значит нельзя — значит нельзя! Вот. Вы дочитайте там до конца, там всё, говорит, сказано. <...>

Так вот и оба от чёво, ты бы знала, мы побаливали? Ины выпускают коров^ф босиком. Босиком, Ну, им было всем предупреждёно ходить в одежде, в обутке. Босиком не выходить, не выбегать рострёпой, шо волосы не прибрала, а как топерич^е рострёпа вон там. Выпускали животины пусть по-настоящему. Ну, вот. Так я ни знаю, вот слушали — люди пасли, так столько годёв пасли, дак...»

А.С. рассказала историю о том, как другой пастух «закрыв дорогу» их стаду на пастбище, которое считал своим. «Ну, вот, и ко мне пришол, значит, один — пас в ту сторону стада. Што делалосе? И попортили стадо.

Значит, один пастух — не взяли его, а нас взяли — он “закрыл” коровы. Городским коровам он “закрыл дорогу”. Закрыл. Городские коровы не ходили к той ко скотине нисколько. Ходили за реку. Здешние коровы не идут туда, а те-то бы коровы сюда не идут. Нам вот сказали: “У вас коровам городским дорога закрыта”, — штоб — думали, што мы отступимсе. Ну, а отступице-то нельзя! Дак [муж отдельно] стал пасти, надвоё пришлось розъединить стадо: не пасли, не ходили, ничёго не могли сделать. Ну, вот так и розделилисе, мы с ним розделилисе. Он остался пасти в деревне на тому берегу, а я стала гонять коров вот этих: возьму с горки вот оттуда и по старому худому мосту гоняла за реку. Вот туда по Ляночному (?) ручью. Одна. Вот так мы лето всё-ровно пропасли, не отступилисе. И приходила жэншчына ладить, гвыт: “У вас закрыто, эт, живым человеком дорога закрыта”. Вот видишь?..

Корову “закрывали”. Тут я пасла и с чужым мужыком. Я говорю — я бедной человек, да. Приходилосье всяко, дак. Всяко. Пасла с чужым мужыком. Ни с ним [=с мужем]. Он досадил ногу — роботали на ветлечебнице зиму-ту — он досадил ногу, сломил, ак пасти-то не мог. И пас со мной старик другой. И корова всё убегала. Вот убегала всё корова — как я ухожу, корова уходит. Как я ушла — коровы нет. Это я как пасла-то, дак всё и ходила, розговаривала с ней: “Комолка, Комолка, Комолка!” Она видит, што я всё розговарюю, она не бежит домой, опять успокаиваеце. Тожо ведь у йих нервы есть! Жывотно тожо как человек! Ну, вот. Вот такой случай был. Коров погонили к ночи. Пошли мы. И, ты бы знала, пошла старуха, старику этому жона. Вижу: опоясаласе кушаком, верёвкой. Я говорю: “Тёта Валя, ты куда?” Ну, я как молода была, и старик-то он, дак я, ну: “Ну, што делает?” — “Да я с вами схожу, с вами!” Ну, ладно. Я сразу поняла, в чём дело. Я уш тожо, я уш наежжёна-то так, дак. Ну вот. Сходили к ночи, уш старуха сходила, чёго поговорила, ушла — не знаю чёго. Не знаю. Утром коров-то гоним, корова-та и убегала, да и коровы нет! На мосту встречает хозяйка, которая всё убегала корова-та: “А где корова?” Я говорю: “А не знаю. Она не ревела сёгдне! А што, не прибежала домой?” — “Нет!” Ну, всё. Я говорю: “Ну, дак Ондриан Петрович, иди, ищи корову. Я не пойду! Я без коров уйду, и меня искать надь”. А коровы ведь тее не заблудяце никогда. Ну, што? Он сходил поискал, ни нашол. Пришол. Погонили опять к ночи. Баба эта тожо пошла. Вот мы шли, и всё, и стали рыч^ать. И до того дорычали обе, та и друга — всё Комолку рыч^им. И корова голос дала, умкнула! Голос дала корова. Мы стали пуще рычать, и она стала пуще нам сказываеце. Ну. Прибежали мы, где корова — в кусту стоит в ивовом. Ивовой куст, он ведь не благословлёной... Ах, не благословлёной — и всё! Вот, ты бы знал, приходим — а она в таком ивовом кусту! Вот так перешлетёна [=показывает руками]. Вот так все прутья перешлетёно, и ей не выгги. Ей не выгги. Дак мы до того дорозгрёбали: одна с той стороны розгрёбаёт — прутья-то растаскиваем в кусту-ту, а другая ей пихает. И выпихали. Выпихали корову. “Слава тебе Господи, выпихали!” Выпихали корову, хозяйка корову подоила, ведро молока надоила, пошла в город с моло-

ком — за семь километров из лёсу, а мы остались, корова осталасе. Но с той поры больше не убегала домой. Дак я всё больше не отходила, всё сама ходила пасла. Всяко хожу розговариваю с ней. Дак она всё, хозяйка-то и говорила: “Анны нету — корова прибежала домой, дак Анны нету!” — А мы, — я говорю, — как две глупы: она умачёт, а я с ней розговариваю: — Комолка, Комолка, не ходи домой! Топерь уш ты продана, деньги получены. Была продана не в пору, невбремя. Надо было выпускать, а продали. А ведь новых людей ведь и всё равно нигде не любят^б. Новый приехал человек, дак он не нравице. А так и жывоти́на. Ведь в стадо пришла нова жывотина, ей тожо обижают. Вот. Тожо обижают. Тут она новая пришла, а у ей там телёнок осталсе. Вот она и всё и бежала в дом...»

Хотя Анна Степановна была единственной женщиной-пастухом в округе, она, по ее утверждению, никогда не испытывала неудобств от своего ненормативного статуса. Напротив, на нее распространялись многие предписания и правовые нормы, относящиеся к пастухам-мужчинам. «Я в город эта вот эта топерь уш никуда ни хожу, дак никто ни знает, а меня весь город знал! Я одна, одна из жэншчын пасла только в поле. Горё меня заставило. Горё!.. Меня горё заставило пасти: есть неч^его да робята, дак. Да на роботу не знай куда устроице, дак. Ногйё и босыё, ни чашки, ни ложки — всё сгорело. Всё. В сорок седьмом году ведь, после войны. И всё: дом сгорел, страховку выдали нам за дом и денежна реформа пала [=произошла]... Заревела горькими. А он и говорит: “Уш поколко такоё горё сотворилосе, дак в работе бесчестья нет! Роботай! Жыть надо. И не стесняйсе — это воровать да нехороший образ вести! А то оно и не стыдно...” Дак вот так и стала пасти. А потом уш, когда умёр старик, дак я после-то ёго ишё на свой перёд чётыре года пасла. Там жыла в деревне, в Полббайбе (?) вот тут. Ишё отс^юда ходила два лета. А уш вот эт-та купила — там деревня нарушылась, и в деревне никто не осталсе. Я одна осталась, и жыла год одна в деревне. Ну, вот. А потом этово барахла-то [=дом в городе] вот купила, дак... Никто миня не обижал. Я была у людей в уважень^е... Вот я работала сколько — можете спросить. Вот. Никто меня не обижал. Никто не обижал меня. Никто. Ну, вот. Никода у нас не было перечных слов^ф. Это не положено. Ну, вот. А когда я в деревн^е одна жыла, одна в деревн^е — как у меня семья нарушылась. Вот у меня умёр сын — во! — двацети шести годов. И я осталась одна в деревне. Вот. А жона осталасе да двоё детей. А оне уехали в Няндому, и я осталась, одна жыла в деревне. Год. Никто не шутя мне до завора не пришол не поколотил. Никто. В церков тожо всё вот ходила, обидни заказывала — тогды, да. Ну, вот. Так ишё свяшшэнник и то спроси: “Как ты жывёшь одна в деревне?” А куда деваеце? Вот. А сын, в которой в организации роботал, дак мне-ка дали квартиру — вот такую комнату, как у меня кухонка, ак я говорю: “У меня хорошего нету, ак ведь и худое и то надь! Богатому по кораблю, а нишчому по бораку. А меня ничёго нет, дак чёго? Я чёго там буду жыть-то?.. Коровы лучше человека понимают. Да-а. Вот я, примером, пасла коров столько годов, я до одной коровы знала, какую

как зовут. Оне меня все знали. Вот. Мы вот пасли с парнём. Парень у меня есть, вон Володька Березин, живёт этом, в совхозе парень. Пас со мной сколько годов — года ч⁴четыре-пять, подпаском был у меня. Вот я иду впередё, значит, я стала — все стоят. Я как только пошла, оне все за мной! Оне все за мной. А я каждую корову знала, как зовут. Вот, бывало, пасла вот там за реку. И приходилосе пасти одной, не́ково не́ было. Робята в школу ходили — одна. Да как ведь вот корова осталасе сзаде — а мне надо домой гонить, а корова осталасе. И жэншчына идёт чужая. Я ей говорю: «Слушай, тётенька, махни ты эту корову штобы подошла — мне от стада-та уйти нельзя!» Она пошла-т к корове, а корова в лес пошла! Эк корова в лес пошла, я потом вижу, што ничё не будет, я побежала. Заговорила: «Куда ты пошла-то? Ты што, ни видишь, што надо домой идти?» Корова сразу вернуласе бегом. Животи-на не говорит, а она всё понимает. Вот...»²³⁸

текст отпуска

Л. 1: Во имя Отца и Сына и святаго Духа Аминь

Лягу я раб Божий Благосло|весь и встану перекрестесь| Выйду я в чистое поле и встану| надобное место на Восток| лицом к Западу хрептом от|рекусь сатаны и дьявола²³⁹ и| предаюсь вышшему Творцу| самому Господу Богу сосвоим| с честным стадом с милым||

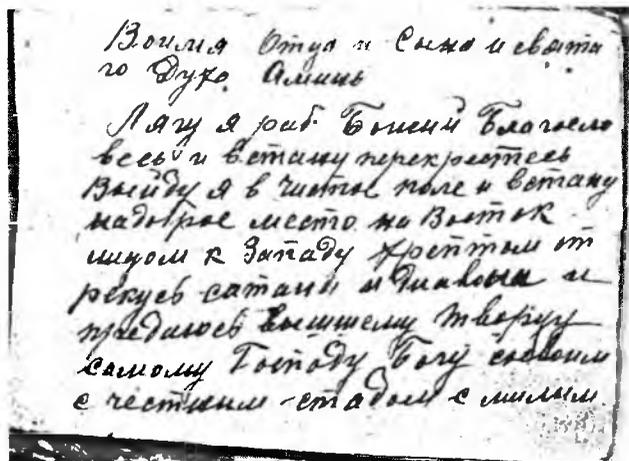

Рис. 12. Первый лист «отпуска». Фото И.А. Морозова.

Л. 2: животом Крестьянским ско|том коровьим сразношерст|ным копытам насохранение| и насбережение в место нас|лучение косвоему двору напри|хождение а милому скоту| по льготу и наздоровие и на| Божию милость на плод и на| живот Истинной Христос| и Богородица Мати Божия| и Ангелы Христовы Михаил||

Л. 3: Архангел и Вся Небесная| сила²⁴⁰ и Святыя честныя| Чудотворцы Козма и Димиан| Николай Чудотворец и святыи| Власий и Медосий Епископы| Сева-

стионския Чудотворцы| и святыи Егорий Храбрыи| Флор и Лавр Меркурий Смо|ленский Аверкий Яропольский| и преподобныя отцы наши Мамо|нт и Аника Киевския и Пеще|рския Чудотворцы Антоний||

Л. 4: и Феодосий Изосима и Саватий| Соловецкия Чудотворцы, Селунския| и Белозерския и Святыя Московския| и Всероссийския Чудотворцы и Чес|тныя Евангелисты Матвей²⁴¹| Марк и Лука Иоан²⁴² Предтеча| Креститель Христов Получите| меня раба Божия и помогайте| и пособите и Благословите| слов говорить сгороду²⁴³ ставить| оборону чинить на милый скот| крестьянский живот коровый||

Л. 5: разношерстный дабы в место| случить косвоему двору прилу|чить огорода поставить обо|рона чинить от черного Сераго| Бурого Зверя Медведя от рыску|чиги Волка²⁴⁴ от рыси и росомахи| черной от ползучего гада от| пришлога²⁴⁵ и жироваго и прохожаго| и посланного зверя от уро|ков и призеров от пострелу| и пристрелу и вся от нашия (?)| силы и от нечистаго Духа||

Л. 6: и от Всякаго поветрия мору и| утопу от порчи и от еретика| и еретицы от ведуна и от ведуньи| от портержника²⁴⁶ портежницы| и от лихого Глаза и от лихой думы| и от вякаго злого Человека и| лихого супостата²⁴⁷ ат колдуна| и колдуньи от блядуна и бля|дуньи от иноземца и от инозер|ца (?) от чернеца и черницы²⁴⁸ от| лихой стречи и от лихой по|стышки||

Л. 7: от схимника и от схимницы| от Бельца и Бельницы от попа| и попады от дьякона и дьячки| и от всякаго чина и мужскаго| и женскаго от парня и девки| от вдовца и вдовицы и от всякаго| гласа и волоса и зуба и лица| от посторонняго и мимо иду|щаго и последующаго и закре|плю я раб Божий и загова|риваю свое счетное стадо| коровье разношерстное||

Л. 8: и разнокопытное огороду| ставлю оборону чиню крепко| на крепко дабы моя огорода| была Божию Милостию моими| словами как синей камень в| синем море как белый камень в белом море как черный| камень в чорном море как| араб камень в арабском море| как хвалынь камень в хва|лынь море и как океан||

Л. 9: Камень в Океане Море и| сколь крепок океан камень| в океане море некрошится| и неколется и столбы крепок| мой огород и сей запор кругом| моего милого скота стати (?)| и милого живота на охранение| и насбережение и вместо нас|лучение к своему двору напри|хождение, как солнце назапад| и день навечер а ктo на меня||

Л. 10: раба Божия и на мой милый| скот Крестьянский живот| злою мыслию и может ли тот| Человек из

²⁴¹ В тексте «Мат вей».

²⁴² В тексте «и Оан».

²⁴³ В тексте «с городу».

²⁴⁴ В тексте «Волга».

²⁴⁵ В тексте «пишлога».

²⁴⁶ Комментарий УАС: «Портёжника — вот порча-то бывает».

²⁴⁷ В тексте очень небрежное написание, которое можно прочитать и как «лехого супостита». Буква «а» в источнике вообще очень часто имеет такое же начертание, как «и».

²⁴⁸ Над буквой «н» стоит титл, позволяющий прочитать слово как «черпицы».

²³⁸ Личный архив И.А. Морозова (МИА 72оп:Ф1999-9Арх., №№ 24-52).

²³⁹ Исправлено сверху «дьяволи».

²⁴⁰ В тексте «сили».

океана моря воду| выпить²⁴⁹ и песок позобать и| камене поглотить и тогда| может зло сотворить или| кто злой порчей помыслит| на меня раба Божия и на скот| тому Человеку детей²⁵⁰ своих| прижити и кров из них||

Л. 11: выпити и зубы изорта и очи| изолба с дети, или может ли| он кругом океана моря лес| пересчитать и сфою²⁵¹ (?) позобать| и тогда может зло сотворить| надомной и надмоим скотом| что и есть царей наземли²⁵² все| от меня жгут и палят всякаго| зверя жгать и палить уроки| и призоры и порчи и лютой глаз| и лихую²⁵³ душу урон||

Л. 12: и падеж и поветрие и пострел| и еретиков и завитников и пор|тежников их белое тело черную| кров и шевливое (?) сердце и кости| и жилы и мозги и составы и| всякаго зверя нахождение,| как стекаются реки к океану| морю со всего свету от толку|чих гор и дремучих лесов| сомков и болот из рек и заозер| и их ручаев из паточин из| черных грязей из кипучих ключей||

Л. 13: из зеленых дубрав из пахомых| земель и сенных покосов| и таковы мой скот крестьян|ский живот выходили бы и вы|бегали назакате солнца намой| глас²⁵⁴ и золотую трубу²⁵⁵ стекались| шли бы ко своему двору ковскакой| ночи сами из лесу домой по| всякий день из загор из зате|мных лесов из замхов из забо|лот из забыстрых рек из||

Л. 14: из заозер из заручаев из паточин| из зачерных грязей из кипучих ключей из зеленых дуб|рав из пахомых земель из| сенных покосов как сходится| мирь народ крещенный и| народ Божий козвону колоко|льному и копению церков|ному и к Отцу²⁵⁶ Божию так| шли бы мой скот²⁵⁷ крестьян|ский живот сами из||

Л. 15: лесу домой как солнце на| запад и день навечер и сколь| крепок фавор и синой верте|пы Горы Стоят наместе| и сколь крепкия Адамския| Горы совсе четыре стороны| нерассыпаются и нерознятся| и нераздвигаются и также| бы мой скот держался вме|сте нерасходился ходилбы| станицею и вереницею и||

Л. 16: сколь крепок восвятой| Святыне во Граде Еру|салиме стоит Гроб Господен| держится навоздухе святым| духом Господним и столбы| крепко, мой скот крестьян|ский живот шлеся и вился| и двора своего держался и как| гроб Господней наземли не|бывает и также бы в моем| стаде коровьем неоткако||

Л. 17: ваго зверя уроку небылобы| и наговору ни-причташ (?) ни| портет не блезночлегу небы|вать Я раб Божий помолось| Вышшему творцу Самому Гос|поду Богу и Саваофу Небесно|му Царю Иисусу Христу и| пресвятой Богородице и| всем его святым отцам и| Чудотворцам Мамонту Ионике| и четырем Евангелистам||

Л. 18: архангелам и верхангелам²⁵⁸| Херувимам и Серафимам| и всем Небесным силам| дабы крепили

великую крепость| от земли и до небеси около мо|его скота крестьянского жи|вота коровьяго разношерст|наго и разнокопытнаго насох|ранение и насбережение и| насоблюдение от всякаго| зверя насбережение||

Л. 19: и в место наслучение косвоему| двору наприхождение от ветра| и от вихоря урону мору и| падежа и от пострелу и при|стрелу и от падшия силы и| от нечистаго духа и от злого| человека от думы и помыслу| от порчи и звериннаго нахож|дения сераго и иного бураго зверя| медведя и рыскучаго волка| от рыси и росомахи черной||

Л. 20: и от ползучаго гада от наш|лаго и жироваго зверя и от| всякаго супостата и святыя| надесят Апостолов с Петром| и Павлом и все семдесят апос|толов стовке²⁵⁹ (?) и укрепите| тыны железныя ворота мед|ныя около моего стада²⁶⁰ и| всей скотины за три²⁶¹ поприща| и натри версты от земли до| небеси исовсе четыре стороны||

Л. 21: от востока до севера от лета²⁶²| до запада от запада до севера от| севера до востока и постройте²⁶³| небом медным и поведите| землю железную ширину и| глубину на тридевят лако|т и замыкайте тридевятью| замками и тридевятью клю|чками и от несите золотыя|

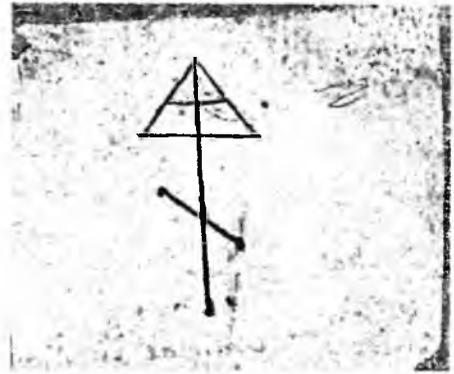

Рис. 13. Изображение на внутренней стороне переплета «отпуска». Фото И.А. Морозова.

ключи в небесный рай во| пречистыя руце самому||

Л. 22: Господу Богу Саваофу и воз|мите Истиной Христос| золотыя ключи и положите| в нетленную ризу²⁶⁴ по правую²⁶⁵| пазуху ныне²⁶⁶ и присно и| вовеки веков Аминь|

Конец|

Отпуск давать насвичку| разрезаную натри части||

Л. 23: один конец в воду где вода| невысыхает дру-го в муравель|ник а третий у себя только| в байну неносить поганому| неходить руки недавать| черных ягод неишь босиком²⁶⁷| неходить под замок нехо|дить|

Конец||

²⁴⁹ В тексте «випить».

²⁵⁰ Написано разрядкой.

²⁵¹ По-видимому, нужно читать «хвою».

²⁵² Исправлено сверху из «наземле».

²⁵³ В тексте «лухую».

²⁵⁴ В тексте «глаз».

²⁵⁵ Комментарий УАС: «Надо в трубу трубить».

²⁵⁶ В тексте «Котцу».

²⁵⁷ Комментарий УАС: «Это штобы скотина шла домой».

²⁵⁸ Исправлено сверху из «версангелам».

²⁵⁹ По-видимому, описка вместо «станьте».

²⁶⁰ Исправлено сверху из «скота».

²⁶¹ В тексте можно прочесть и как «пири».

²⁶² Имеется в виду местное название юга — «лето».

²⁶³ Можно прочесть и как «покрайте».

²⁶⁴ Исправлено сверху из «ризу».

²⁶⁵ В тексте «провую».

²⁶⁶ В тексте «нине».

²⁶⁷ В тексте «боском».